

Глава I

Что такое стремление?

Вот вам пример тривии. Знаете, почему у красных скал южной Юты такой цвет? По той же самой причине, по которой планета Марс в ночном небе имеет для нас розоватый оттенок. Дело в оксиде железа, известном также как обычная домашняя ржавчина. Тени красных оголенных вершин тянутся к нашему автомобилю, въезжающему на пыльную заправку у границ Юты и Аризоны. Открыв дверцу, я вдыхаю воздух, наполненный дизельными испарениями и ароматом полыни. Мой друг Эрл Кахил с облегчением отрывается от водительского кресла. Нам выпал последний шанс — бензина в баке оставалось миль на 50, не больше.

Эрл — мой бывший сосед по университетскому кампусу. При своем немалом росте шесть футов девять дюймов* он умудряется держать голову и плечи под таким удручающим углом, что убавляет себе минимум четыре-пять дюймов. Он моргает, глядя на заходящее солнце сквозь растрепанные пряди каштановых волос, свисающие ему прямо на лицо. Лицо это всегда несет на себе печать такого разочарования, будто принадлежит болельщику команды «Чикаго Кабз».

Пока заливается горячее, мы с Эрлом воспроизводим дорожный ритуал путешественников со времен Джека Керуака** — планируем, как будем делить дорожные расходы. В отличие от наших предшественников-

* 6 футов 9 дюймов — 2,05 см. *Прим. ред.*

** Джек Керуак (1922–1969) — американский писатель, поэт, новеллист и эссеист, автор знаменитого романа «В дороге», яркий представитель бит-поколения. *Прим. ред.*

битников, героев автострад, мы с Эрлом едем в Лос-Анджелес не для того, чтобы слушать джаз, участвовать в сезонном сборе урожая или любоваться закатом на берегу Тихого океана. Мы намерены — ни больше ни меньше! — оставить свой след в истории Jeopardy! — самой популярной и самой сложной американской викторины. А пока мы пререкаемся в попытках выработать наиболее изящный алгоритм подсчета и разделения наших трат.

«Нас двое, и это значительно повышает шансы на то, что один из нас попадет на шоу, так? — рассуждаю я. — Этот один гарантирует себе по меньшей мере 1000 долларов, даже если займет всего лишь третье место. Давай поступим так: по возвращении поделим все расходы поровну. Если же один из нас все-таки попадет в телевизор, он оплатит полностью бензин и остальные расходы на поездку».

Эрл подозрительно морщит брови, пытаясь понять, где его кидают.

«Это беспроеигрышный вариант, — настаиваю я. — Если тебя берут в игру, ты оплачиваешь все расходы, но в итоге все равно остаешься в плюсе благодаря выигранным деньгам. Тот, кого не берут, ничего не теряет».

«Идет», — в конце концов соглашается он. Ударив по рукам, мы меняемся местами и залезаем обратно в машину. Честно говоря, я предполагаю, что в итоге беспроеигрышный сценарий окажется выгоден именно мне. В моем представлении Эрл как раз тот тип, который нужен игре. Он невероятно умен и ростом с пожарную каланчу, но это еще не все — он обладает рокошущим баритоном, неиссякаемым запасом шуток из арсенала компьютерного хакера и сериала «Симпсоны» и крылатых фраз из фильмов компании Merchant Ivory*. Он спит и видит себя участником Jeopardy! и уверен, что выбор падет на него. Я чувствую, что выторговал себе бесплатную поездку в Лос-Анджелес...

Вслед за этим я со вздохом признаюсь себе, что роль попутчика Эрла — отнюдь не предел моих мечтаний. Сколько я себя помню, всегда мечтал попасть в Jeopardy!, и Эрл это прекрасно знает! «Я утешаю себя

* Merchant Ivory — кинокомпания, выпустившая в конце 1980-х и начале 1990-х годов целый ряд эталонных экранизаций произведений английской и американской классики начала XX века. *Прим. ред.*

тем, что, даже провалив отбор, смогу сказать людям: “Я тот самый парень, который привел в Jeopardy! Кена Дженнингса!”» — вдруг изрекает он, когда мы съезжаем с шоссе I-15 и устремляемся вдогонку закату.

Мысль попробовать свои силы в Jeopardy! преследовала меня последние 20 лет, но тривию я люблю еще дольше. Мое поколение склонно думать, что страсть к тривии — это болезнь 1980-х, схожая с ностальгией по курткам от Members Only и актеру Ральфу Мачио. Поворотным годом для тривии моей юности стал, конечно, 1984-й, когда в эфир вышла обновленная версия Jeopardy! с Алексом Требеком, а Trivial Pursuit разошлась 20 млн копий, отвоевав титул главной игры столетия у культового компьютерного «Пакмэна». Однако спросите кого-нибудь на десять лет моложе: на какой год приходится пик популярности тривии? Он, возможно, назовет 1999-й или около того, когда на весь мир прогремела новинка «Кто хочет стать миллионером?». Для поколения моих родителей слово «тривия» должно ассоциироваться с соревнованиями в университетских кампусах поздних 1960-х. А мои бабушка с дедушкой будут вспоминать, как вся Америка, затаив дыхание, следила за конкурсантами, потевшими в звукоизолированных кабинах во время рейтинговых (и целиком постановочных) телевикторин 1950-х. Знаток истории вопроса может отослать вас еще дальше, в 1927 год, когда бестселлер «Спросите что-нибудь полегче» стал причиной самого первого в стране «вопросно-ответного» помешательства. Да-да, тривия — это форменное помешательство. Даже не пытайтесь от него отделаться! Как Терминатор, комета Галлея и генитальный герпес, тривия всегда возвращается.

И она все еще здесь. Тривия не обязательно громко заявляет о себе, но в каком-либо виде присутствует повсеместно. Сотни тысяч вариантов тривии играется в Америке каждый день — в городских барах, на загородных пикниках, за журнальными столиками, по FM-радио, мобильным телефонам... Тривия является нам на подставках для пива, крышках из-под кофе, призовых фигурках из пакетов с крекерами. Она попадает в нашу электронную почту, на поля журнальных статей и страницы телефонных книг. Она успокаивает нас в кино во время рекламы Coca-Cola. Она буфер между телевизионной рекламой и развлекательными шоу. Это настолько привычная часть американской жизни, что

порой мы ее не замечаем, но, хотели бы мы того или нет, наша жизнь окружена тривией.

В современном значении слово «тривия» вошло в употребление в 1984 году вместе с игрой Trivial Pursuit. На самом деле его корни уходят в глубь веков на тысячелетия. Изначально оно было римским именем богини Гекаты — хранительницы перекрестков. «Тривия» происходит от латинского *trivium* — перекресток, место пересечения «трех дорог». В 1718 году английский поэт Джон Гей назвал в честь той самой богини свою знаменитую поэму «Тривия», описывающую пешие прогулки по улицам Лондона. (Гей больше известен как автор сатирической «Оперы нищих», которая легла в основу «Трехгрошовой оперы» Брехта, что в свою очередь связывает его с песней, которая в 1959 году попала на первое место в хит-параде журнала Billboard¹.)

От латинского слова *trivium* происходит также и прилагательное «тривиальный», то есть невыдающийся, обыкновенный. Большинство считает, что «тривиальным» стали называть «общее место», потому что перекресток дорог и был, строго говоря, этим самым общим местом. Другие заявляют, что прилагательное «тривиальный» происходит от второго значения понятия *trivium*. В средневековых университетах полный курс был разделен на тривиум, включавший три предмета, и квадривиум, включавший четыре. В тривиум всегда входили грамматика, риторика и логика, в то время как квадривиум состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Тривиум, включавший в себя самые простые, элементарные предметы, считался менее важным, чем продвинутый квадривиум, а следовательно, «тривиальным».

В XX веке существительное «тривия» сначала стало использоваться как производное от «тривиальный» применительно к пустякам или вещам второстепенным. Не далее как в 1902 году популярный эссеист Логан Персалл Смит (между прочим, шурин философа Бертрана Рассела) опубликовал подборку коротких философских размышлений под заглавием «Тривия». Но в своем нынешнем значении — «интересные вопросы и ответы обо всем на свете» — слово не употреблялось до середины 1960-х.

Я всегда ощущал некоторый стыд за то, что «тривиальный» ярлык приклеился к тривии так прочно. Мне кажется, называть свое хобби словом, буквально означающим «мелочь» или «ерунда», — не лучший способ придать ему популярности. Вошел бы в моду американский футбол, если бы футбольные фаны упорно отзывались о нем: «Этот тупой вид спорта с дурацким мячом?» Или филателисты — разве они говорят о собирании марок: «Маленькие клеящиеся квадратики, которые мы изучаем и коллекционируем, вместо того чтобы ходить на свидания с девушками?» И все же пленники тривии удачно приспособились к языку притеснителей, с улыбкой соглашаясь с тем, что их склонность к узнаванию и запоминанию множества всякой странной чепухи совершенно бесполезна. Полностью «тривиальна».

Впервые слова «тривиальный» и «нетривиальный» в их научном применении я услышал на уроках математики и информатики в колледже. Для математических и компьютерных «ботаников» тривиальной является задача, которая имеет до смешного простое решение. Учитель, скорее всего, даже не удосужится записать его на доске. Наука же, как известно, гонится за решениями необычными, элегантными, «нетривиальными». Например, я помню, как мы проходили однажды суммарно-производные числа (sum-product numbers), то есть числа, у которых сумма составляющих их цифр, помноженная на их же произведение, дает исходное число. Существует бесконечное множество чисел, сказал преподаватель, однако только три из них суммарно-производные. Число 1 — это тривиальное решение, скучное: $1 \times 1 = 1$. Остаются два интересных, нетривиальных решения — 135 и еще одно²:

$$((1 + 3 + 5) \times (1 \times 3 \times 5) = 135.$$

Сколько себя помню, я всегда был убежден, что тривия, несмотря на свое название, это элегантное, сложное, захватывающее, стоящее занятие. Что тривия на самом деле не тривиальна.

По словам моей мамы, первый раз в моей жизни я сыграл в тривию... в четыре года. Произошло это в Университете штата Вашингтон. Совместно с общеобразовательными школами Сиэтла университет отбирал детей для обучения в начальной школе по программе «Одаренные

и талантливые». Мне пришлось провести целый день, переставляя кубики и собирая пазлы в темном маленьком классе, увешанном зеркалами. Зайдя через несколько часов в класс, чтобы подбодрить меня, мама обнаружила там веселую компанию аспирантов, которая развлекается тестами на общую эрудицию.

Когда она вошла, звучал вопрос: «Где братья Райт совершили свой первый полет?»³

Я сидел на маленьком стульчике, поглощенный игрушечным поездом, и, казалось, совершенно не интересовался происходящим вокруг, поэтому мама никак не ожидала услышать от меня ответ, притом правильный!

Оглядываясь назад, я не могу себе представить, откуда четырехлетний малыш мог знать *хоть что-то* про братьев Райт. Очевидно, у некоторых людей мозг похож на губку, которая впитывает информацию и подробности почти с рождения за счет удачного смешения любопытства, упорства и врожденных способностей. Эти люди — своего рода гурманы, подверженные необъяснимому стремлению фиксировать каждый бит информации, который судьба мелом заносит на доску их мозга. Мы не выбираем тривию. Тривию выбирает нас.

Теперь я понимаю, что привычки, которые наблюдались у меня с детства, были скорее похожи на симптомы навязчивого невроза, чем на проявления одаренности прелестного, развитого не по годам ребенка. Я надолго задерживался в кинотеатре после окончания фильма, чтобы выучить имена, упомянутые в титрах. Я запомнил все пары ответов в настольной карточной игре «Улица Сезам», чтобы всякий раз обыгрывать в нее родителей. Однажды я провел 11 часов на борту самолета, соревнуясь с самим собой во времени, за которое я смогу назвать все страны мира в алфавитном порядке — от Афганистана до... хм, скажем, до самой последней⁴. Помню, как я расстроился в четыре года, когда по случаю окончания моим отцом юридического факультета взрослые подарили мне поездку в Диснейленд. Диснейленд — вместо настольной игры Boggle, о которой я мечтал уже несколько месяцев!

Хотя я не нуждался в особом поощрении, родители поддерживали меня, обеспечивая полным джентльменским набором начинающего

любителя тривии: Книга рекордов Гиннеса, комиксы «Хотите верить, хотите нет!» Роберта Рипли, издания серии «Лексикон популярных заблуждений» с песиком Снупи на обложке. Родители очень терпимо относились к потоку сведений, полившемуся из их подарков на их же головы во время долгих поездок на машине. «Эй, мам! Ты знаешь, какого цвета шкура у белого медведя?» Не-а. Черная! «Эй, мам! Представляешь, три четверти пыли в нашем доме — это отмершие частички человеческой кожи!» М-м-м... «Эй, мам! Знаешь, сколько весил самый большой в мире тыквенный пирог? Не попала! 418 фунтов*».

На удивление эти поездки обошлись без рукоприкладства. Когда же мне не хватало ответов, папа, помешанный на науке, включал своего мистера-я-знаю-все, который мог ответить на самые каверзные детские вопросы. Почему небо голубое? — Закон рассеяния Рэлея. Почему при подаче с вращением бейсбольный мяч вращается? — Эффект Магнуса. Откуда берутся дети? — Пойди спроси у мамы.

Частично благодаря братьям Райт я пошел в детский сад при спецшколе недалеко от нашего дома на северо-западе Сиэтла. Начало школьной жизни далось мне нелегко. Не потому, что я скучал по мамочке или не мог найти свою куртку в раздевалке, а потому, что приходилось пропускать любимые игровые шоу по утрам. В начальной школе я вечно изнывал в ожидании летних каникул, а когда они наконец наступали, навёрстывал пропущенные выпуски «Колеса Фортуны», «Пирамиды из \$20 000» и «Ста к одному». Я преисполнился радости, когда в 1979 году на свет появилась моя сестра Гуин: теперь нас пятеро — как раз то, что нужно, чтобы стать командой в «Сто к одному»! Мы когда-нибудь сможем оказаться там, обласканные Ричардом Доусоном, одетым в ужасный светло-серый костюм-«тройку». Дедушка с бабушкой до сих пор любят напоминать мне, как я ежедневно звонил им с дайджестом всех утренних телеигр. Я бежал на кухню, забирался на табуретку, чтобы дотянуться до телефона, и с упоением пересказывал детали особенно интересных цепочек игры «Пойми меня» или бонусного раунда «Пирамиды».

* 189,6 кг. *Прим. ред.*

Два года спустя отец получил предложение по работе от юридической фирмы из-за океана, и мы отправились в Азию, так что я жил в Сеуле, когда в 1984 году Jeopardy! вернулась в эфир. В Южной Корее был тогда один-единственный англоязычный телеканал AFKN — Телесеть Вооруженных Сил Кореи, поэтому каждый ученик в моей американской школе смотрел одни и те же шоу в одно и то же время дня. AFKN транслировал Jeopardy! в полдень, то есть примерно тогда, когда мы все приходили из школы, поэтому, как бы нелепо это ни звучало, вчерашняя Jeopardy! была главной темой разговоров пятиклассников на спортивной площадке.

В шестом классе нам поручили сделать проект по организации игр на тему охраны животных, находящихся под угрозой вымирания. Мой назывался Seal of Fortune, и мне оставалось только завидовать другу Тому, которому достался другой зверь и который назвал свою игру Jaguardy!, не забыв оставить оказавшийся очень к месту восклицательный знак. В том же году одна моя знакомая девочка произвела настоящий фурор, принесла в класс экземпляр новой, свежееотпечатанной в Штатах книги Jeopardy!. Многие из нас поочередно проходили отборочные тесты на обороте книги, чтобы проверить, годимся ли мы в участники этой несравненной игры. И это в шестом классе! Вот так несчастный случай с программой передач армейского телевидения и типичная для младшеклассников «идейная зараза» превратили нас в сеульскую школу для иностранцев — фанатов викторин предпубертатного возраста.

Строго говоря, меня можно было назвать ботаником. И мой случай вовсе не уникален — бесчисленное множество любителей тривии рассказывали мне похожие истории из своего детства — часы добровольного заточения наедине с атласами мира, «Бейсбольной энциклопедией», киногойдом Леонарда Мэлтина. Коробки из-под обуви, доверху забитые исписанными карточками, служили живым свидетельством одержимости тривией. Теперь я вспоминаю об этом со странной смесью смущения и ностальгии — неужели это правда был я и мне это нравилось? Когда я вступил в пору юности, а затем окончательно во взрослую жизнь, тривия стала казаться чем-то детским, неуместным, от чего

нужно отказаться, как от субботних мультфильмов или любимых мягких игрушек. Я выбросил свои коробки с карточками, над заполнением которых трудился в детстве: полные имена знаменитых людей, олимпийские чемпионы по стрельбе из лука, архив вопросов «Сто к одному», птицы — символы американских штатов. Я перестал покупать ежегодный «Альманах мира», выходящий в ноябре, не стал продлевать подписку на журнал Games. В конце концов, за первый год учебы в университете я даже утратил привычку смотреть Jeopardy!.

Дело было не в том, что я вдруг стал слишком крут для тривии или вообще слишком крут. Конечно, я перестал набивать полки забавными сериями «Квантового скачка» и другими подобными вещами, однако у меня все еще оставалось немало «ботанистых» увлечений: громадная коллекция комиксов про «Тора» и «Фантастическую четверку», бейсбольные карточки, решение на скорость кроссвордов «Нью-Йорк Таймс», которые каждый будний день появлялись в студенческой газете. Но я стал смотреть на знатоков глазами обывателей: яйцеголовые чудаки, фрики, убийцы нормальной беседы. Ведь мало кому понравится человек, у которого заготовлен немедленный ответ на любой вопрос, да еще и с добавлением факта из серии «Знаете ли вы, что...?». Поэтому я стал прятать свои тесты, которые были оценены максимальными баллами, по возможности ненавязчиво поправлял коллег, бормоча им что-то вроде: «Мне кажется, что кролики на самом деле не относятся к грызунам»⁵, и позволял партнерам по Trivial Pursuit сообщать мне ответы на вопросы, которые я и сам прекрасно знал. Однажды в колледже я случайно подслушал через открытую дверь, как Эрл в разговоре с одной девушкой о его работе на получение степени магистра математики упомянул о моей уже почти готовой работе на получение аналогичной степени по компьютерам. Мы оба знали эту девушку многие годы.

«Погоди, разве Кен тоже умный?» — спросила она изумленно.

Я воспринял ее сомнение как комплимент.

Да, это был мой секрет, я стал глубоко законспирированным любителем тривии. Но при этом меня никогда не оставляла детская мечта — появиться однажды в Jeopardy!. Для ребенка это, конечно, несбыточная фантазия: мне не хватало пары десятков лет, чтоб хотя бы попытаться

счастья на отборе в шоу. Но когда я достиг тинейджерского возраста, Jeopardy! стала проводить ежегодные юношеские турниры. Поступив в Университет Бригама Янга*, я познакомился с Джеффом Стюартом, который, будучи студентом выпускного курса, выиграл университетский чемпионат Jeopardy! в 1994 году. Попадание в телешоу стало казаться мне вполне достижимой целью.

Jeopardy! никогда не устраивала выездных отборочных туров в Солт-Лейк-Сити, где я сейчас живу, поэтому я решил попытаться в Лос-Анджелесе. Согласно книге про закулисы Jeopardy!, которую я как-то обнаружил на книжном развале, открытые отборочные мероприятия в Лос-Анджелесе проводятся раз в месяц. Тонкая книжка в мягкой обложке за авторством юриста из Флориды Майкла Дюпи, который выиграл Кубок чемпионов Jeopardy! в 1996 году, называлась «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!». Тщательно запомнив изложенные в ней полезные сведения и советы, я твердо решил: в следующий раз, попав в Южную Калифорнию, обязательно попробую свои силы! Однако дать обещание оказалось проще, чем его исполнить.

«Как на работе?» — спрашивает моя жена Минди, когда я, хлопнув дверью, захожу в дом. Стоит прохладный апрельский вечер, и Минди готовит ужин, одним глазом поглядывая за новорожденным Диланом, который гукает о чем-то своем в колыбели в углу.

«Вроде нормально». Последние несколько лет я работаю программистом в местной медицинской рекрутинговой компании. Мой предыдущий наниматель пал жертвой знаменитого краха доткомов, когда лопнули неимоверно раздутые интернет-пузыри, и перестал делать одну маленькую, но почему-то так ценимую работниками вещь — платить зарплату. Теперь я провожу дни за написанием софта, который помогает докторам и медсестрам устраиваться на новую работу. У нас хорошая команда и стабильная компания. Она ежемесячно выплачивает проценты по ипотеке, в которую я вступил незадолго до рождения Дилана, купив маленький домик из желтого кирпича — наше первое собственное жилище. И хотя я стараюсь не особенно задумываться об этом, работа у меня невероятно

* Частный университет под контролем мормонской церкви. Крупнейший в мире религиозный вуз. *Прим. пер.*

скучная. Скука усугубляется тем совершенно очевидным фактом, что программист я довольно посредственный. Рассеянное внимание и энциклопедическая память, хорошо подходившие для тривии, накачали во мне не те «ментальные мускулы», которые необходимы для писания компьютерных программ по восемь часов в день. Это беспокоит меня с тех пор, как я стал подозревать, что умение написать хороший компьютерный код — куда более точный показатель интеллекта, чем знание, кто первым сумел выбить бейсбольный мяч за пределы поля в истории игр «Всех звезд»⁶ или кого из телегероев 1960-х звали Рой Хинкли⁷.

«Я сегодня звонил в Jeopardy!, — добавил я, стараясь сохранить бодрость в голосе. — Они не проводят тестирование в те дни, когда мы будем в Лос-Анджелесе. Майский отбор начнется неделей позже».

Мне не удастся скрыть от Минди свое расстройство. Она вытирает руки и идет ко мне. «О, мне жаль. Тебе действительно так важно попасть на этот отбор?»

«Ничего страшного. Что там за круглые штуковины ты нарезаешь?»

«Ты никогда не видел фенхель? Он по виду похож на сельдерей, а по вкусу — на солодку. Если его обжарить в оливковом масле, получается вкусно». Я ловлю себя на том, что фенхель автоматически занял свою нишу в моем мозгу. Вы можете вытравить человека из тривии, но вы никогда не сможете вытравить тривию из человека.

«Думаю, мы могли бы задержаться в Калифорнии еще на неделю, но я не хотела бы оставлять Дилана с мамой на целых полмесяца».

Я беру Дилана на руки. Он, конечно же, похож на своего отца: кажется, что около трех четвертей его веса составляет голова, а три четверти головы — уши. Невозможно обижаться на эту преграду к осуществлению мечты сыграть в Jeopardy!, когда она сидит у тебя на руках, улыбается во весь рот и пускает пузыри.

«Скажи, если думаешь, что это дурацкая идея, — прошу я Минди. — Я боюсь свихнуться, если разминусь с отбором всего на несколько дней. Что если, как только мы вернемся из Калифорнии, я поеду обратно, чтобы попытаться счастья?»

К чести Минди, она не напоминает мне, что дорога занимает 12 часов в один конец или что Jeopardy! специально предупреждает

не приезжать только ради отбора, ведь шансы его успешного прохождения астрономически малы. Ежегодно около 30 тысяч желающих играть соревнуются всего за четыре сотни мест. Чтобы не утруждать читателя точными расчетами вероятностей, скажу только, что поступить в Гарвард проще примерно в восемь раз.

«Полагаешь, тебя отпустят с работы на вторую поездку?» — спрашивает она.

«Если я попрошу отпустить меня на отбор в телевикторину, конечно, нет. Я скажу им, что еду на свадьбу или что-нибудь в этом роде».

«Тогда, думаю, тебе стоит поехать», — говорит она, задвигая сковородку с фенхелем в духовку. Я очень тронут, и мне хочется ее поцеловать, что я и делаю. «Ты можешь найти себе попутчика, чтобы по очереди вести машину?»

Я уже направляюсь к телефону. «Я позвоню Эрлу».

Убедить Минди оказалось делом несложным, но вот будет ли Эрл таким же сговорчивым? Эрл (читатели должны это понимать) лучше всех подходит под стандартное описание гения. Он концертирующий пианист, талантливый фотограф, математик и лучший программист из всех, кого я знаю. Он неизменно выигрывает в наш тотализатор на будущих лауреатов «Оскара» одну весну за другой. Если вы проведете исследование на 20 людях, знакомых с Эрлом, спрашивая у каждого из них имя самого умного человека, которого они знают лично, 19 ответят: «Эрл». Последний, 20-й, скажет примерно следующее: «Знаете, это такой высоченный парень, который живет за дверью напротив. Однажды он починил мой модем. Берл или Мерл, как-то так».

Но Эрл отличается от большинства известных мне игроков в тривию одним важным обстоятельством. Его детство и юность, проведенные в городе Шайенн, отнюдь не отличала ненасытная тяга к знаниям. Только позже он осознал, как много людей ошибочно принимают способность к запоминанию тривиума за интеллект. С тех пор он стал играть, пытаясь наверстать упущенное, полный решимости «накачать мозги», даже если это пагубно скажется на его состоянии. Первой компьютерной программой, которую Эрл написал еще в университете, был образовательный софт, помогающий выучить все столицы европейских

стран. Ему не нравилось, что он может спутать Бухарест с Будапештом, поэтому, создав программу с нуля, он целыми днями тренировался по своей собственной системе, пока не вызубрил все ответы. Каждый день мы оба разгадывали кроссворды в «Таймс», но только он упрямо выискивал каждое незнакомое доселе слово. Эрл не был прирожденным игроком в тривию и не страдал манией величия. Эрл достиг успеха благодаря собственному упорству; в тривии он редкий пример, как принято говорить, селфмейдмена.

В результате он всегда тяжело переживал поражения в интеллектуальных схватках от соперников, которые не затратили на это дело столько усилий, сколько он. И хотя и Эрл, и я в душе довольно азартные люди, я бы отлично понял, если бы он отказался ехать. Мне было бы очень неловко, если бы я прошел тест, а он — нет. «Ну, спасибо, что подвез меня, Эрл! Хреново, конечно, что ты провалил свой отбор». Н-да, остается теперь подумать, что же будет, если он пройдет, а я нет...

Когда он поднял трубку, я решил не тратить время зря. «В общем, тебе это может показаться безумием, и ты, если хочешь, можешь сказать “нет”, но я думаю, что мы должны в мае ехать в Лос-Анджелес на отбор в Jeopardy!».

Пауза была практически незаметна. «Конечно. Когда точно едем?»

Лед тронулся.

Позже тем же вечером я потащился в подвал, где хранились картонные коробки с книгами, до сих пор не разобранными с момента нашего переезда. Потребовалось немало времени, чтобы отыскать «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!». На тот момент меня больше интересовала та часть заглавия, которая располагалась до многоточия. Читая ночью в постели рядом со спящей Минди, я обнаружил, что большая часть книги состоит из, собственно вопросов. Большинство — на самые трудные темы, непропорционально любимые авторами Jeopardy!: «Опера», «Балет», «Напитки» и «Кушать подано». В какой стране родилась оперная дива, сопрано Кири те Канава?⁸ Какой овощ часто называют «синеньким»?⁹ Какой алкогольный напиток обязательно присутствует в коктейле «Белая леди»?¹⁰

Я чувствую, что становлюсь похожим на Эрла, запихивая в себя информацию, которую я ни за что бы не запомнил просто так. Возникает вопрос о разумности предстоящей одиссеи Jeopardy!. Неужели вся эта головная боль стоит мизерного шанса на попадание в шоу, не говоря уже о невероятной победе? Наконец я проваливаюсь в сон с книгой на груди в безуспешных попытках удержать в памяти, чем Нуреев отличается от Барышникова.

Ответы

- ¹ Песня Бобби Даррина «**Мэкки-нож**» из «Трехгрошовой оперы». Прототипом Мэкки служит образ Макхита — героя «Оперы нищих» Джона Гея, 1728 год.
- ² **144**. Кроме 135, это единственное нетривиальное суммарно-производное число. $((1 + 4 + 4) \times (1 \times 4 \times 4)) = 144$.
- ³ Первый полет братьев Райт состоялся в городке **Китти-Хок** в Северной Каролине.
- ⁴ **Зимбабве** — последняя страна в мире по алфавиту. (*Речь идет об английском алфавите A–Z. Прим. пер.*)
- ⁵ Кролики относятся к отряду **зайцеобразных**, а не грызунов.
- ⁶ **Бэйб Рут** первым выбил бейсбольный мяч за пределы поля в играх «Всех звезд».
- ⁷ Рой Хинкли — редко использовавшееся настоящее имя **Профессора**, героя ситкома «**Остров Гиллигана**».
- ⁸ Кири те Канава родом из **Новой Зеландии**.
- ⁹ **Баклажаны** часто называют «синенькими».
- ¹⁰ В коктейль «Белая леди» входит **джин**.